ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 24 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

По показаниям **Радека** выясняется, что в партию он вернулся лицемерным и вскоре после возвращения из ссылки восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан,—с Пятаковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—31 году?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 году. Уже тогда, в 1931 году, я перешел на сторону сопротивления кулачества, попытался натуралений и стал, таким образом, отражением враждебных прозелитарату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности об'единенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал на письма Троцкого мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда сказал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт прошлогоднего сговора и понимать, что нет у нас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства».

Слово террор не было брошено, до тогда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октябрю 1932 года я принял решение о возвращении на путь борьбы. Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь об'единились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Как показывает затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала об'единенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Серебрякова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбой.

Далее Радек признает, что ему задолго до убийства **Кирова** было известно о подготовке к этому покушению со стороны зиновьевцев. Такое же покушение готовили и троцкисты, причем здесь значительную роль играл сам Радек, выдвигавший для организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью у зиновьевцев осуществлял Бакаев, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фриндлянда. Заместитель Дрейцера Гаевский мне известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр—он назвал Бондаренского, Голубенко и, кажется, Логинова—формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; так будто назвал при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого он говорил, что в Туле создана или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитиленой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, что была группа Зорка—Гездева, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тиссен.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой справа?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1933 году, когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это зовется разговором о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 года после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух конкурирующих центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?». Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он назвал об Уганове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства **Кирова**. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало об'единение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: как этот акт, как результат тактики единичного террора, требует обозначения террористической акции, или он требует идти вперед к крупному террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомысленно и малодушно на основе результатов убийства **Кирова** отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины—к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 г. и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Прошу в заключение о том, что необходимо перейти к крупному террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поехал в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Какой был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжать».

При дальнейшем допросе выясняется, что троцкистские центры предпринимались с этой целью попытки об'единить руководство террористическими группами. Руководителем их назначался Дрейцер.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 г. Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указал в этом письме, что он установил контакт с некоторыми дальне-восточными и некоторыми средне-европейскими государствами, что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок отвергнет на деле сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщал о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше зондирования его мнения на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально как центр, но и лично одобряем то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 года на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель средне-европейской державы пригласил меня и начал разговор. Он сказал: «Наши отношения (он его сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Или вновь сомневается, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть это мысль эмигранта, когда ему показалось? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского обострения и готовы войти на переговоры, необходимые для этого обострения. Этот представитель сказал, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть и в СССР реальные политики и нереальные политики: нереальные—это советское правительство, а реальные—это троцкистско-зиновьевский блок. И сказал был сказал того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для обеспечения с нашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Какие вопросы стояли в письме?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в усилении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек: Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об'ективно отвечали в подтверждение ответами, что они разделяли позицию поражения.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь в Москве, говорили об политическом отступлении на базе советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок и начнется расчленение Украины. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической он предвидел следующие последствия поражения: «отдача не только в концессии важных для империалистических государств об'ектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических об'ектов, которые они заметят.

Троцкий предвидел «облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплоатации тех заводов, которые формально останутся в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы дело будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической жизни в этом письме было поставлено вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: он о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс: прошло 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вертеть частью на частных фабриках, частью на государственных фабриках, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит—будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то это будет аналогия с властью Наполеона I, «это будет бонапартистская власть». «Продумайте эту аналогию», писал Троцкий. Он оставал себе отчет в том, что изложенное положение, благодаря которому блок может притти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и японский фашизм другой—дальневосточной—страны.

А новым в практических выводах было то, что предлагается согласовать специально эту деятельность, касающуюся предательства с тем партнером, при помощи которого блок только и может притти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно сосуществование социального строя СССР с фашистскими странами—победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выдвигалась, которая была предвестником реставрации капитализма и была тем специфически новым, что досталось сразу нам в семьи.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое—раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь крупных экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Хлеба контрибуции в виде протянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем—сначала он сказал это без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения побеждавшим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось—надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не давать никаких помех к завоеванию Китая японскими империалистами.

Вышинский: А насчет прибалтийских стран?

Радек: О прибалтийских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма, и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность указывалась со всей программой и на нее указывалось, как на одно из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашение, т. е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский: Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Для транспорта не могло быть исключения.

Государственный обвинитель выясняет отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 года и показаниям, переданным Пятаковым от Троцкого.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать имевшееся у меня прекрасное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что замечалась поездка за границу?

Радек: Или мой, или Пятакова. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для пресловутых глаз Троцкого — страна должна возвратиться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как им сумасшедшим. И, наконец, последний факт: раньше свой вопрос так, что мы пришли к власти потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране. Теперь мы можем пройти на то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше чем даст нам власть. Директива Троцкого о согласовании вредительства с иностранными кругами означала, что в нашу организацию включается резидентура иностранных держав. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый год это было итти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Но я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грубый.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 году знали, что страна сильна и это не оправдается?

Радек: Что поражение не оправдывается, а что все ей будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине.

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с посланцем ... в ноябре 1934 года это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, так и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые полным и бесповоротно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

* * *

Об'является перерыв до 6 час. вечера.

(ТАСС).

Вечернее заседание 24 января

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РОММА

Суд переходит к допросу свидетеля Ромма, бывшего корреспондента советской печати за границей и давнишнего личного друга Радека.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве с 1930 года по 1934 год.

Вышинский: В Женеве вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об об'единении с зиновьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП(б), в первую очередь—против Сталина и Ворошилова.

Далее свидетель Ромм показывает, что осенью 1932 года, будучи в Москве, он получил от Радека письмо к Троцкому, которое проездом через Берлин послал по ранее обусловленному Седовым адресу. Письмо это было зашито в корешок одной немецкой книги.

Вышинский: Когда была ваша следующая встреча с Седовым?

Ромм: В июне 1933 года, в Париже. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил и мы отправились в Булонский лес, где встретились с Троцким.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письмо без в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев велика, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и далее при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры.

Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны, и что основная цель—это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской политике, к новой технике и тем самым к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, он процитировал латинское изречение, которое говорит: «Чего не излечивают лекарства, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». Я помню, меня несколько изумленный вопросом—о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но была брошена Троцким мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о поражениестве.

Затем он передал мне книгу—роман Новикова-Прибоя «Цусима», сказал, что в переплет этой книги зашито письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире. Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска в конце сентября 1933 года, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, зашитое опять-таки в переплет немецкой книги.

Письмо это я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи прощать на смотр. Он об этом помалчивал и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года перед моим от'ездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о разворачивании политической и диверсионной работы. Это письмо я передал в Париже Седову.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений,—его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка—на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку жалобы в своих решениях, отсрочках и т. п. будут, естественно, учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: Для кого?

Ромм: Для Троцкого.